

A watercolor illustration of a forest scene. A path leads from the bottom center towards a bright light in the distance, flanked by dense green foliage and trees. The style is soft and painterly.

Евгений Терехин

Сказки с потолка

Миф — линза,
фокусирующая
реальность в точке
максимального смысла

Евгений Терехин

**Сказки с потолка. Миф – линза,
фокусирующая реальность
в точке максимального смысла**

«Издательские решения»

Терехин Е.

Сказки с потолка. Миф – линза, фокусирующая реальность в точке максимального смысла / Е. Терехин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744060-2

В этой книжке особые сказки. Можно подумать, что автору досталась такая специальная волшебная палочка. Дотронется он ею до чего угодно — до старого носка или до обычного мышонка — и то, чего коснулась волшебная палочка, становится каким-то необычным. Молчаливое становится разговорчивым, стоячее ходячим. А если уж попало что-нибудь фантастическое, то оно вдруг становится совсем простым и потому особенно удивительным (Виктор Кротов).

ISBN 978-5-44-744060-2

© Терехин Е.
© Издательские решения

Содержание

Как обычное сделать необычным	6
Сказки с потолка	7
Сказка о весёлом водопроводном кране	8
Небесная утварь	10
Пара носков	13
Мальчик Сёма	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сказки с потолка

Миф – линза, фокусирующая реальность в точке максимального смысла

Евгений Терехин

*Роль воображения не в том, чтобы делать странное
понятным, а скорее в том, чтобы делать всё понятное странным.
Гилберт Кит Честертон.*

Иллюстратор Виолетта Терехина

© Евгений Терехин, 2018

© Виолетта Терехина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4474-4060-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как обычное сделать необычным

(Предисловие Виктора Кротова)

В этой книжке особые сказки. Можно подумать, что автору досталась такая специальная волшебная палочка. Дотронется он ею до чего угодно – до старого носка или до обычного мышонка – и то, чего коснулась волшебная палочка, становится каким-то необычным. Молчаливое становится разговорчивым, стоячее ходячим. А если уж попало что-нибудь фантастическое, то оно вдруг становится совсем простым и потому особенно удивительным.

Но нет, ни о какой волшебной палочке автор и не упоминает. Мол, посмотришь в потолок, почешешь в затылке – и торопись ухватиться за протянувшийся к тебе сверху кусочек сказки...

А всё-таки, если внимательно-внимательно присмотреться, то всё же есть у Евгения Терёхина волшебная палочка. Впрочем, она у каждого из нас есть, да не у каждого получается волшебство из неё высекать. И палочка эта – наш сказочный русский язык. Почитаешь сказки из этой книги – и видишь, как обычное слово становится волшебным, и от того с ним, с этим словом, и с тем, к чему оно приставлено, происходят всякие чудеса.

А потом чудес становится всё больше и больше, а сказки всё шире и просторнее. И кто там уже только ни появляется!.. И магнитное поле, и арбузные жители, и Вихрь с Тайфуном, И даже сама госпожа Конкуписенция (от самого имени её веет чем-то чрезвычайно волшебным).

Ну, а если этому ещё и потолок помогает, то вот книга и складывается. И пока доберёшься до последней страницы, в тебе столько всякого интересного натворится, что хочется уже к началу вернуться и снова вспомнить все эти приключения, в которых побывал. И то ли эти сказки уши промывают так, что начинаешь неслышное слышать, то ли взгляд освежают так, что смотришь на обычное, а видишь удивительное, – но после этого совсем по-другому к жизни относишься. И на потолок с уважением смотришь и думаешь: может, тебе тоже почешать в затылке и скорее ухватиться за высунувшийся кусочек сказки...

Виктор Кротов, писатель

Сказки с потолка

У меня дома странный потолок. Иной раз посмотришь на него, почесешь голову, и вдруг в нём как будто что-то раскрывается, а из образовавшейся брешки выглядывает сказка. Ты хватаешь её за ногу, чтобы не убежала, и тянешь вниз. Она сопротивляется, брыкается, не хочет, но я-то сильнее. Вот и вытягиваю сказки на землю, одну за другой. Но они не остаются в долгу – мстят тем, что частенько увлекают меня в своё верхнее царство, которое «за потолком».

Когда я попадаю туда, мне бывает очень трудно вернуться. Но приходится – в конце концов, у меня дети: мальчик, мальчик и ещё девочка. Они-то и просят меня рассказать сказку. И так просят, что хоть на стенку лезь. Но лезть на стенку не выходит. Поэтому я просто смотрю в потолок, чешу голову и жду – не мелькнёт ли там новая история.

Вот как это выглядит...

Да, если вы не знали, все сказки живут на потолке... Точнее, за потолком. И всякий, кто достиг своего потолка, должен непременно забраться выше, чтобы увидеть мир, в котором всё по-другому. Сделать это довольно просто. Взгляните вверх, глубокомысленно почесите голову и хватайтесь за первое, что стукнет вам по макушке. Пусть это будет только нога, этого достаточно – по этой ноге вы легко взберётесь за потолок, а там уже запотолочное царство. Побродив там немного, возвращайтесь обратно, ведь все истории должны быть рассказаны на земле. А потолок для того и раскрывается, чтобы нам не показалось, что мир наш ограничен потолком и поднимать голову вверх совершенно бессмысленно.

Сказка о весёлом водопроводном кране

Жил да был водопроводный кран, и звали его Смеситель. С утра до вечера он только и делал, что лил воду. Только всё не по делу. То мозги запарит кипятком, то окатит ледяным душем – для визгу. Так и жил – не тужил.

Больше всего доставалось, конечно, ванне, которая жила прямо под ним. Ей приходилось терпеть всё, что выливалось из крана. Долго терпела она, но вот как-то раз, поперхнувшись внезапной порцией воды, излившейся из сияющего горлышка, и, откашлявшись с характерным бульканьем, сказала:

– И не устал ты, братец, воду лить? Всё бы тебе хихоньки да хахоньки. Ты ж меня совсем запарил, честное слово. Дело нужно с умом делать. Ухмыльнулся кран и спросил:

– А что же мне ещё делать, коли я кран? Лить воду только и умею. Но зато сколько пользы! Людям нужна вода, да ещё каждый день. Ты у нас гляди, какая основательная, дык тебя ногами топчут, а ко мне вон руки тянут.

– Да кто ж тебе сказал, что твоё дело лить воду? – продолжала ванна.

– А что ж ещё? – прыснул кран, – именно лить воду. И чем больше, тем лучше. Эх дали б мне волю, а то житуха – не фонтан... Только войдёшь во вкус, тебе сразу рот затыкают. Не дают вволюшку разгуляться.

– Ничего, как-нибудь разгуляешься, – подытожила ванна и замолкла.

Долго ли коротко ли, а стал наш кран временами посвистывать – вначале немного, а потом всё больше.

– Что это ты, братец, посвистывать начал? – как бы между делом поинтересовалась ванна.

– Яяя? Ссего это ты фзяла, – прошепелявил кран и почему-то перестал лить воду. – И се это ты всё капаес да капаес?

– Это не я капаю, это ты капаешь, – осадила его ванна. Кран удивлённо оглядел себя и понял, что действительно капает.

– Ух, и сто это со мной, – испугался было он.

– Стареем, – объяснила ванна, – жизнь, знаешь ли, не фонтан.

– Да мало ли сто, ну свисю, ну капаю, мне-то сто..., – пришёл в себя кран. – Кран он на то и кран, стобы капать, да воду лить. И сем больсе, тем луцсе, – весело захохотал он.

Но вот как-то ночью проснулся кран от страшного свиста и смотрит – а из него мощной струей бьёт фонтан, да прямо в потолок.

– Э-ге-гей, – обрадовался кран, – наконес-то сбылась моя мечта, я стал фонтаном! Проснись, подруга, проснись, посмотри, как я воду лью? Ну сто, всё ещё сказес, зизнь – не фонтан?

Так визжал и свистел кран, а ванна всё смотрела на сливное отверстие, и думала, что все его старания летят в трубу.

На следующий день пришёл водопроводчик, перекрыл воду, отвинтил кран и положил его стекать в ванну. Лежит отвинченный кран в ванне и думает: «Что же со мной теперь будет? Неужто выбросят меня на помойку? Неужели это всё?»

– Ванна, ванночка, что же со мной теперь будет? – испуганно запричитал кран и пустил пару слезинок. Слезинки потекли по ванне, да прямо в сливную трубу.

– Что теперь плакать, когда столько воды утекло, – укоризненно проговорила ванна, – но погоди отчаиваться. Посмотрим, что скажет мастер.

Мастер покрутил кран в руках, посмотрел на него внимательно и пробормотал:

– Будет ещё работать, как новенький.

Потом взял какую-то резинку, паклю, перевязал ему рану, прикрутил кран на прежнее место, и тщательно протер тряпочкой.

Кран засиял, как будто заново родился, выпрямился, заурчал, забурлил и воскликнул:

– Ах, как хорошо! Ну где же вода, дайте воду, я сейчас просто взорвусь от радости!

Но, поймав неодобрительный взгляд ванны, вдруг осёкся, и увидел, как стекают в сливную трубу его недавние горькие слёзки.

Крякнул кран, как будто что-то внутри у него надломилось, загудело, забурлило, заклокотало, дрогнул он всем своим телом, откашлялся, а потом из горлышка хлынула вода – сначала ужасно грязная, а потом чистая, прозрачная.

– Прости, подруга, – сказал, наконец, кран ванне дрожащим голосом, – теперь, наверное, я снова возьмусь за старое и буду лить воду.

– Нет, – с улыбкой ответила ванна, – кто лил слёзы, тот не может лить воду.

Улыбнулся кран такому ответу, и вдруг увидел, что прямо под ним уже набралась полная ванна воды, а в неё забирается весёлый карапуз. Вода булькала, плескалась, пузырилась, брызгала во все стороны, а кран почему-то был так счастлив, что на какое-то мгновение ему показалось, что и на него льётся что-то тёплое и ласковое.

– Что это? – поразился кран, осмотрев всё вокруг сияющим взглядом, – что это как будто на меня льётся?

Но он ничего не увидел, а только ясно почувствовал, что на него излилась любовь.

– Вот так чудо! Мне бы так лить! – воскликнул кран, – и, обрадованный своим внезапным открытием, тихонько сбрызнул малыша струйкой тёплой воды.

Небесная утварь

Кухонная утварь всё никак не могла понять, почему её называют утварь. У всех имена как имена, а она вдруг утварь. Что за название? Да ещё прибавляют «всякая там». Всякая там утварь.

– Никакая я не всякая, – горько думала утварь, – а вполне даже конкретная.

– Да уж, не повезло тебе с именем, – прогудел стоявший рядом холодильник, громко хлопнув дверью.

– Вот бы встретить того, кто меня так назвал, – горевала утварь, – уж я б его спросила почему. И она звякнула двумя висевшими рядом сковородками.

– Да что ты расстраиваешься, – успокоил её как-то противень, – у меня вообще имя противное. Но ничего, живу. Пользу приношу. Хотя многие хозяйки уже видеть меня не могут, до того я им противен.

– Это несправедливо, – ответила утварь, – у порядочных вещей и названия должны быть порядочные.

– А как бы ты хотела, чтобы тебя называли? – поинтересовался противень.

Утварь задумалась.

– Не знаю даже, только от этого имени всё внутри должно звенеть, как звенит хрустальный бокал, когда его тронешь ложкой.

– Ну не могу, шас умру от смеха, – зашипела вдруг стоявшая в углу плита, – утварь не хочет быть утварью. Да ты посмотри на себя хорошенько. Утварь ты и есть. Вся старая, донышки закопчённые, ручки переломанные, а всё в облаках витаешь. Спустись на землю. Пользы б больше приносила, вот и называли бы тебя по-другому. Я вот, например, раньше была просто печкой, а теперь я стеклокерамическая плита с сенсорными переключателями и конвекцией. У королей и то такие длинные титулы не всегда бывают, а меня эвон как чествуют. А всё почему? Пользу во мне видят. А ты кто такая? Тьфу.

– И правда, кто же я? – с ужасом подумала утварь, – неужто просто утварь?

И так стало ей невыносимо от этой мысли, что её сковородки вдруг стали нещадно подгорать, а вода в кастрюлях проливаться на полпути к плите.

– Что-то у меня кухонная утварь совсем пришла в негодность, – жаловалась хозяйка соседке.

– Да выбрось ты её, новую купишь, – утешила её соседка. – Только продукты переводишь.

А плита всё шипела да подтрунивала над кастрюлями и сковородками:

– Ну что, даже яичницу сжарить не можешь, ууу-тварь.

Слушать это было невыносимо. Только по ночам могла утварь прийти в себя и немного забыться. Подолгу смотрела она в окно на звёзды и думала, какие они красивые и яркие. И имена у них небесные – звёзды. С таким именем разве можно не сиять.

И вот как-то раз смотрела она в окно на одну маленькую звёздочку, которая висела прямо напротив месяца.

– Здравствуйте, – вдруг сказала звезда. Утварь вздрогнула всеми своими кастрюлями, которые, звякнув, издали характерный хрустальный звон.

– Скажите, кто вы и как вас зовут?

Что-то сжалось внутри утвари, и она тихо произнесла с дрожью в голосе:

– Утварь.

– Как?

– Утварь. – Она была готова провалиться сквозь землю.

– О, Божественная утварь, – произнесла вдруг звезда, – в сияющих недрах которой отражается небо, не могла бы ты выполнить одну мою просьбу? Ибо воистину только Божественное творение может производить такое чудесное благоухание, какое восходит к небесам каждый день из этого окна. Ты смиренно принимаешь в себя всё, что кладут в твои сияющие сосуды, и своей кипучей, бурлящей и клокочущей энергией неприметно преобразуешь всё это в восхитительные яства. Все звёзды на небе хотели бы носить твоё имя, ведь оно источает дивный аромат. Позволь мне называться небесной утварью.

– Но..., – заикаясь, пробормотала утварь, – утварь это вовсе не красивое имя. И потом вы же – звёзды, вы так сияете.

– На небе главное не сияние, а благоухание. Здесь и так всё сияет. А когда на земле кто-то смиренно принимает в свои недра всё, что посылает ему небо, от него вдруг начинает восходить к небу дивное благоухание. Все звёзды на небе тогда приклоняются к земле, чтобы насладиться этим дивным ароматом, который так редко достигает небес.

Ох, как бы и нам хотелось благоухать так же, но для этого нужно спуститься на землю. Ведь благоухать может лишь тот, кто оставил небеса, спустился на землю, испачкался в саже и копоти, а потом, превратил всё ниспосланное в небесный пир. Мы же звёзды слишком привязаны к небу. Поэтому наш удел – холодное сияние. Но если у меня будет твоё имя, быть может, и я когда-нибудь спущусь на землю.

– Ну... хорошо, – пробормотала утварь, – не совсем понимая, что происходит.

– Ура! Теперь я небесная утварь! – заблестела от счастья звезда и вдруг задрожала, закачалась на небе и в следующее мгновение яркой серебряной лентой скатилась на землю.

– И я, и я небесная утварь, – завопили другие звёзды, – и вдруг начался такой звездопад, какого ещё никто никогда на небе не видел. Миллионы звёзд одна за другой падали на землю и кричали: «Я – небесная утварь!»

Засмотревшись на это зрелище, утварь не заметила, как пришло утро, на кухню вошла хозяйка и принялась жарить яичницу.

– Пшшш, – насмешливо зашипела плита, – что, щас опять активированный уголь произведёшь? Ууу-тварь.

– Я небесная утварь, – вдруг раздалось где-то за окном, и плита, дернувшись всем корпусом, с изумлением уставилась в небеса.

А утварь лишь улыбнулась и принялась тихонько поджаривать то, что попало в её сияющие недра. По всей кухне стал распространяться чудесный аппетитный запах жареной глазуни.

– Ух-ты, как сегодня пахнет, – улыбнулась хозяйка и, подойдя, бросила в яичницу немного свежего укропа.

– А плиту-то надо менять, – сказала она вслух, – что-то дёргаться стала.

Пара носков

На полке в шкафу жила-была пара носков. И вечно они теряли друг друга.

– Где же моя пара, – всё спрашивал один носок, протискиваясь между завалов трусов да маек, – куда она опять запропастилась?

– Вечно его не доищешься, – сетовала его пара, – уже весь дом перевернули.

Вообще-то рядом валялось много таких носков, потерявших пару, и все они грустно смотрели друг на друга, понимая, что никто другой им, конечно, не подойдет. Бывали попытки собрать пару из похожих носков, но они выглядели как-то нелепо друг с другом и скоро понимали, что без своей пары они ничего не стоят.

И вот лежит носок на полке и думает: «Куда же девалась моя пара? Только вчера мы были на короткой ноге. Помню, вечером нас бросили в стиральную машину. Я долго мялся да крутился вокруг неё – всё боялся потерять. А потом как пошла эта пена, глаз и замылился. Больше я её не видел. Но, может быть, она ещё на сушилке. Подожду».

И он подождал, но его пара не явилась ни вечером, ни через неделю. Со временем он привык к обществу таких же одиноких носков, как он. Они лежали грудой в углу полки, потеряв всякий интерес к жизни. Каждый знал, что он, по сути, просто тряпка.

Каждый вечер, когда на полку клали новые свежие вещи, носки без пары тревожно вглядывались во вкусно пахнувшие сорочки, не торчит ли из них хотя бы краешек его пары. Некоторым везло, и тогда счастливчик нередко скатывался без чувств прямо на середину полки, и пару тут же замечали и брали в дело. Остальные завистливо глядели им вслед и вздыхали.

Но счастливые воссоединения длились недолго. Вернувшись с прогулки и повертевшись в барабане стиральной машины, пары частенько снова распадалась, и счастливчик снова оказывался в гряде носков-одиночек.

– Может, всему виной стиральная машина? – подумал однажды наш носок. – Или сушилка, с которой мало кто возвращается? Где же, в каком месте я её теряю?

– Вечно вы, носки, места себе найти не можете, – прокряхтела как-то раз старая клетчатая рубашка с полуоборванными пуговицами.

– И то верно, – вздохнул носок. – А что это ты делаешь, – спросил он, увидев, как рубашка методично обматывает свои полуоборванные пуговицы нитками, которые распустились у неё вокруг петель.

– Привязываю к себе то, что всё время норовит оторваться. Они, пуговицы, такие – упустишь и не поймаешь. А что я без пуговиц? Тряпка.

Носок задумался.

– Так вот оно что! – вдруг воскликнул он радостно. – Когда-то и мы с моей парой были связаны нитью, но эту нить оборвали! И теперь нас ничего не связывает. Вот почему мы теряемся. Как же нам снова привязаться друг к другу?

– Ясно как, – бросила рубашка, продолжая обматывать пуговицы бахромой, обильно свисавшей вокруг петель, – ты же весь состоишь из нитей. Надо только, чтобы они не вокруг тебя крутились, а протягивались к другому. Потом эти нити сплетаются в крепкие связи. Чем крепче объятья, тем меньше шансов оторваться друг от друга во время большой стирки.

– А что это за стирка?

– Это особо длинная программа, которую выдержать могут лишь те, кто крепко связан между собой.

Носок попробовал оторвать от себя одну ниточку и поморщился:

– Не очень-то приятно.

– Это поначалу. Как только начнешь, войдешь во вкус. А уж когда возникнет между вами связь, поймешь, что лучше этого ничего и нет на всём белом свете.

И стал наш носок понемногу отдирать от себя ниточки. Сначала одну, потом другую. Встретившись со своей парой, он то и дело протягивал к ней эти ниточки, но нитей было слишком мало, и поначалу они всё время рвались. Но он не оставлял дела. И вот, наконец, вокруг него уже висела пышная бахрома.

Его паре сначала не очень-то нравился его патлатый вид, но уж больно настойчиво протягивал он к ней свои нити, что она решила тоже протянуть к нему свои и через некоторое время они уже так переплелись, что были не разлей вода.

И вода их действительно больше не могла разлить. Когда, наконец, настал час большой стирки, они протянули друг к другу все свои нити, сплелись в тесных объятьях и стиральная машина, сколько ни билась, сколько ни пенилась, только крепче затягивала их многочисленные связи.

Помятые, пообтрёпанные, они, наконец, выбрались с сушилки и довольные хлопнулись на полку в полном изнеможении – бок о бок.

– Эх, старая уже пара, – сказала хозяйка, перебирая носки, – выбросить что ли?

Но, с минуту поколебавшись, она бережно положила их обратно на полку:

– Нет, оставляю. Эти – особенные, они почему-то никогда не теряются.

Мальчик Сёма

Жил да был на свете мальчик Сёма, который никогда не мыл уши. И вот однажды говорит ему правое ухо: «Сё ма, помой меня!»

– Ну ладно, помою, – сказал Сёма, – и помыл. Взял мыло, намылил палец и вычистил правое ухо.

– Спасибо, – говорит правое ухо, – я тебе отплачу.

– Как? – удивился Сёма.

– Я буду слушать песни звёзд, – ответило ухо.

– Песни чего? – не расслышал Сёма.

– Звёзд. Разве не слышишь, как они поют?

– Нет, – ответил Сёма.

– Ну вот, теперь услышишь.

И с этой поры стал Сёма слышать песни звёзд. И очень ему это понравилось.

Через какое-то время говорит ему левое ухо: «Помой меня, Сёма».

– Ну ладно, помою, – сказал Сёма, – и помыл.

– Спасибо, – говорит ему левое ухо, – я тебе отплачу.

– Как, и ты?

– Я буду слушать сказки зимы.

Сёма хоть и удивился, но стал прислушиваться к шепоту ветра за окном. И вдруг он отчетливо услышал, как пурга рассказывает ему чудесную зимнюю историю.

– Вот здорово! – воскликнул Сёма и стал слушать дальше.

Сказок было так много, и звёздных песен тоже, поэтому Сёма решил их записать. Чтобы не забыть. Записал одну песню, а люди ему и говорят:

– Как это ты сочинил такую красивую мелодию? – А Сёма отвечает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.